

Стоило Цзян Лэ войти в пространство, как нервы, долго натянутые боем до предела, наконец полностью расслабились. Он ослабил ремешок посадочного сосуда на запястье, выпустил кровавую лозу и мутировавший женьшень на грядки, чтобы они пока побыли там сами, а сам быстрым шагом пошёл в домик. Ему не терпелось снять верхнюю одежду, смыть с себя водой накопившийся запах крови и как следует отдохнуть.

В ванной Цзян Лэ снял куртку и брюки, бросил их в корзину для грязного белья и уже ухватился за край нижней рубашки, собираясь стянуть её через голову, когда кто-то головой распахнул дверь ванной. Холодные волчьи глаза уставились на обнажившийся кусок его талии, и волчонок сделал ещё шаг внутрь.

Цзян Лэ пришлось опустить руки, одёрнуть край одежды и, подняв ладонь, упереться в дверь ванной, преграждая волчонку путь.

— Что ты делаешь?

— Моюсь, — спокойно сказал волчонок с таким видом, будто это было совершенно естественно.

Обычно в такие моменты волчонок действительно заходил в ванную вместе с Цзян Лэ, Цзян Лэ сначала как следует мыл его, потом выпускал, и лишь после этого мылся сам.

Первые несколько раз волчонок ещё сопротивлялся, и Цзян Лэ почти силой доводил купание до конца. Так что само по себе желание волчонка мыться вместе с ним не было проблемой. Проблема была в самом Цзян Лэ.

Ощущение, будто он сам поднял камень и через пространство-время уронил его себе на ногу, снова вернулось. Цзян Лэ едва не захотелось переместиться в прошлое и объяснить прежнему себе, как важно соблюдать определённую дистанцию с питомцем.

Но с тех пор как они вошли в эту зону мутаций, волчонок всё время сохранял волчью форму, а в бою постоянно бросался вперёд и был главной силой отряда. Просто отказать ему вроде бы тоже было неправильно.

В конце концов, с точки зрения волчонка, он всего лишь повысил уровень и научился новому навыку, а хозяин из-за этого изменил к нему отношение. Стоило Цзян Лэ об этом подумать, как ему стало казаться, что он и правда поступает слишком уж нехорошо.

Когда мысли сменили направление, рука, удерживавшая дверь, невольно ослабла. Волчонок уловил эту перемену, понял, что Цзян Лэ согласился, и продолжил идти вперёд, ловко протиснувшись в ванную целиком.

Цзян Лэ поднял душевую лейку и сказал ему:

— Стань ещё немного меньше.

Чтобы поместиться в ванной, волчонок уже уменьшился до размеров волкодава. Обычно во время купания он был примерно таким же. Он смотрел на Цзян Лэ, словно размышлял, зачем тот отдал такую команду. Цзян Лэ отвёл взгляд и виновато добавил:

— Так быстрее помыть.

Это с натяжкой можно было считать разумным предложением.

Только тогда волчонок снова уменьшился и принял вид щенка. Агрессия и давление, исходившие от всей его волчьей фигуры, мгновенно ослабли.

Каждое повышение уровня влияло на то, как проявлялись разные формы. После очередного апгрейда телосложение волчонка снова усилилось: в форме огромного волка он выглядел воплощением красивой силы, но в щенячем виде эта сила проявлялась совсем иначе: в более толстенькой талии, круглой голове и пухлых подушечках лап.

Цзян Лэ чуть не потерял контроль и едва удержался от желания подхватить волчонка и уткнуться в него лицом. Он давил это желание, давил, и только после этого протянул руку, подхватил щенка под живот и поднял перед собой. Потом присел на корточки и направил на него струю воды.

Пальцы проходили сквозь густую шерсть. Спину он промыл один раз, потом провёл вдоль шерсти до самого хвоста, перевернул волчонка и продолжил поливать водой: от шеи к груди. Ниже показался маленький колокольчик и все сопутствующие детали. Цзян Лэ уже почти онемел душой и снова и снова повторял себе, что это всего лишь щенок. В итоге ему удалось с невозмутимым лицом закончить это купание.

— Всё, теперь выходи, — Цзян Лэ подтолкнул волчий зад.

Волчонок стряхнул с себя капли и, то и дело оглядываясь, вышел за порог. Цзян Лэ закрыл дверь. Даже через полупрозрачное стекло было отчётливо видно, как щенок вновь превращается в волка, а потом медленно уходит.

Цзян Лэ выдохнул с облегчением, торопливо снял оставшуюся одежду, быстро помылся сам и только потом вышел из ванной с ещё немного влажными волосами.

Он думал, что снаружи увидит волка, но, выйдя, обнаружил у кровати сидящего мужчину с обнажённым торсом. К счастью, волчонок хотя бы догадался надеть штаны, иначе Цзян Лэ, возможно, прямо на месте отступил бы обратно в ванную.

— Почему ты снова стал человеком? — спросил Цзян Лэ, стараясь спокойно подойти к кровати. В руках он всё ещё держал полотенце для волос.

— Так удобнее, — сказал волчонок.

— Удобнее для чего?

Цзян Лэ только успел удивиться, как волчонок уже схватил его за руку и потянул к себе. Цзян Лэ сделал два неустойчивых шага и оказался рядом с ним на кровати.

Волчонок поднялся, повернулся и встал перед Цзян Лэ. Потом он вдруг наклонился к нему так близко, что у Цзян Лэ нервы, едва успевшие расслабиться, снова натянулись.

Цзян Лэ решил, что тот опять собирается просить «потереться», и немедленно начал думать, как отказаться.

— Это...

Но он ещё не успел придумать предлог, как почувствовал тёплый ветерок сбоку у головы. Он прошёл сквозь волосы. Температура была достаточно приятной, чтобы Цзян Лэ чувствовал себя комфортно, и вместе с тем мягко уносила влагу из прядей.

Незаконченные слова застряли у Цзян Лэ в горле. Он сам невольно замер. Волчонок был совсем рядом, менял угол и выпускал тёплый воздух. Кончики его пальцев иногда перебирали волосы Цзян Лэ. Движения были очень мягкими, будто он следил, чтобы не причинить хозяину ни малейшего неудобства.

Стоило Цзян Лэ присмотреться внимательнее, и он бы заметил: во всём этом скрывалось подражание его собственным действиям.

Как бы холодно ни выглядел волчонок, в какую бы непривычную для Цзян Лэ форму ни превращался, из его жестов никогда не исчезала та послушная покладистость, которую ощущал только Цзян Лэ.

Изначальное напряжение с примесью настороженности за это время исчезло полностью, и Цзян Лэ расслабился окончательно: даже сам начал опускать или поднимать голову, подстраиваясь под волчонка.

Влажные волосы снова высохли, и настроение Цзян Лэ тоже успокоилось.

Если посмотреть с другой стороны, разве это не проявление отеческой любви и сыновней почтительности? Цзян Лэ невольно представил: если бы кровавая лоза и мутировавший женьшень тоже могли превращаться в людей, что бы получилось? Интересно, смогла бы кровавая лоза отрастить много рук и одновременно массировать ему спину и ноги? А вот мутировавший женьшень, пожалуй, не надо. По ощущениям он превратился бы в старика, который поглаживает бороду и пьёт чай. Не стоит издеваться над пожилыми.

Цзян Лэ мыслями улетел далеко. Восприятие запаздывало на полтакта, и он не заметил, что тёплый ветер над головой уже стих, а его лицо всё ещё приподнимают. Улыбка, появившаяся из-за воображаемой картины, выглядела почти как снисходительное разрешение.

Волчонок всё это время ждал близости с хозяином. Но с тех пор как он повысил уровень и проснулся, Цзян Лэ ни разу не обнимал его и не тёрся о него. Для волчонка, которого прежде при каждой возможности Цзян Лэ заворачивал в объятия, это было совершенно невыносимо.

Волчонок легко придержал подбородок Цзян Лэ и, прежде чем тот успел среагировать, резко прижался к нему. Губы скользнули по уголку рта Цзян Лэ. Кожа, чуть более горячая, чем у обычного человека, внезапно коснулась его щеки, а волосы спутались и потёрлись друг о друга.

Когда Цзян Лэ пришёл в себя, было уже поздно. Ощущение чужого человеческого прикосновения на коже, запах у самого носа, мягкость от касания губ. Его глаза от потрясения чуть расширились. Щекочуще-онемевшее чувство будто мгновенно распространилось от щеки к самому сердцу, а когда волчонок медленно опустил подбородок ему на плечо, это чувство словно что-то поддело снизу.

Для волчонка это было всего лишь тем, что он хотел сделать. Он получил от этого удовлетворение и теперь, потерявшись, снова последовал собственному желанию: поднял руки, обнял Цзян Лэ и с жалобой в голосе сказал:

— Раньше ты каждый день тёрся об меня по несколько раз.

— Но ладно, я тебя не виню, — добавил волчонок.

Люди ищут в близости опору для чувств, выражают через неё симпатию и доверие. Прежде

Цзян Лэ тоже это понимал. До апокалипсиса, когда его родные ещё были живы, он никогда не скупился на объятия для матери. Но несколько лет конца света почти заставили его забыть это ощущение. Настороженность, которую было трудно отпустить, не давала ему вернуться в то состояние.

И только сейчас Цзян Лэ понял: дело было не в том, что он этого не хотел. Он просто не доверял другим.

Но если это волчонок... Цзян Лэ медленно поднял руки и мягко положил ладони на широкую спину волчонка, отвечая ему объятием.

Однако эта тёплая мягкость в сердце Цзян Лэ продлилась всего несколько секунд. Почувствовав ответ, волчонок вдруг повалил его на кровать и из человеческой формы мгновенно вернулся в волчью. Огромный волк был во много раз больше Цзян Лэ. Из-за огненной способности его температура тела и без того была выше человеческой, а сейчас казался раскалённым углём, который вот-вот подожжёт и лежащего под ним Цзян Лэ.

Ощущение опасности обрушилось со всех сторон. Цзян Лэ хотел вырваться, но волчья лапа прижала его руки. Дыхание, более горячее, чем в человеческой форме, скользнуло у шеи Цзян Лэ, и половину его тела покрыло мурашками.

Но кроме этого мутировавший волк ничего не делал. Он просто нюхал запах на теле Цзян Лэ.

— Эй, вонючий щенок! — Цзян Лэ кое-как выбрался из-под огромного волка. — Ты что творишь?

Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы выбраться из-под волчьего давления. Мутировавший волк 7-го уровня был чудовищно силён. Если бы гигантский волк явно не хотел ранить Цзян Лэ, тот вряд ли сумел бы выбраться так легко.

И именно потому, что Цзян Лэ это понимал, его эмоции металась между «волчонок всё-таки понятливый» и «он всё равно совершенно не слушается».

Цзян Лэ уже сел, но по сравнению со стоящим волком разница в размерах всё равно бросалась в глаза. И это даже не была полная форма гигантского волка.

В прозрачно-голубых глазах волчонка тоже читалось что-то похожее на растерянность. Казалось, он сам не понимал, откуда взялся этот внезапный порыв. Он только смотрел на лицо Цзян Лэ, внимательно разбираясь в причине этого импульса, и сказал:

— Не знаю. Я тоже не очень понимаю.

Просто ему вдруг очень захотелось съесть Цзян Лэ, но одновременно он понимал, что так нельзя.

Желание превратилось в голод: словно лишь проглотив человека перед собой целиком, он мог бы стать завершённым, а это необъяснимое стремление наконец было бы подавлено. Иначе он сгорит на месте дотла.

Растерянность в волчьих глазах не была притворной, и Цзян Лэ трудно было быть с ним строгим. Он поднялся, надавил рукой на голову огромного волка и приказал:

— Вниз.

Гигантский волк спрыгнул на пол. Цзян Лэ тоже тут же слез с кровати. Он не стал задерживаться в домике, вышел наружу, на открытое место, и, увидев на грядках кровавую лозу и мутировавший женьшень, наконец почувствовал, как жар, будто следовавший за ним тенью, немного рассеялся.

Цзян Лэ временно проигнорировал гигантского волка, который шаг за шагом следовал за ним, и встал перед складом, опуская список предметов на электронном экране.

Мясо, кости и другие материалы мутировавших видов, добытые за эти дни охоты в зоне мутаций, уже почти забили склад. Одного мяса для кормления питомцев хватило бы волчонку, кровавой лозе и остальным на очень долгое время.

Кроме того, такие вещи, как только что добытые шкура и костяк мутировавшего медведя, были чрезвычайно редкими и ценными материалами.

Синтезатор высокого уровня мигал, сообщая Цзян Лэ, что у него уже хватает материалов для повышения уровня, а также достаточно кристаллических ядер для синтеза.

Цзян Лэ вынул со склада часть мяса. Спрашивая питомцев, кому сколько нужно, он разложил перед ними куски разных видов и размеров, а сам открыл синтезатор, взял медвежьи кости и другие материалы и, снова и снова сверив показатели, определил, какие лучше всего подходят к клинку из черепашьей кости.

Если взять клинок из черепашьей кости за основу и добавить медвежью кость вместе с кристаллическими ядрами высокой защиты и высокой атаки, можно поднять клинок 6-го уровня до 7-го. При этом у него могло появиться свойство, отличное от прежних свойств клинка из черепашьей кости.

Цзян Лэ положил клинок и все нужные для этого повышения материалы в синтезатор, временно закрыл страницу синтезатора и обернулся. Питомцы уже почти доели свои куски мяса. Только кровавая лоза всё ещё медленно тянула оставшуюся небольшую половину.

Цзян Лэ достал ещё несколько кристаллических ядер разных уровней и разложил их перед разными питомцами в соответствии с тем, на какие стороны эти ядра были ориентированы.

Только закончив со всеми этими делами, Цзян Лэ задумался о собственной еде.

Время приёма пищи в столовой уже прошло, поэтому Цзян Лэ просто открыл склад. Там всё ещё хранилось множество продуктов, купленных им до начала апокалипсиса. Он наугад вынул немного еды и поел.

К тому времени кровавая лоза и мутировавший женьшень, проглотившие кристаллические ядра, уже затихли и спокойно уснули в дремоте, переваривая силу.

Цзян Лэ умывался недолго. Когда он вышел, то увидел волчонка у кровати. Услышав, как Цзян Лэ выходит из ванной, тот даже повернул к нему голову, а лапу уже положил на край кровати, словно стоило Цзян Лэ сказать хоть слово, и он тут же вскочит на кровать и ляжет.

Раньше они всегда так и спали.

Но после того, что случилось ранее, Цзян Лэ решил: сегодня нельзя позволить волчонку вот так всё замять.

— Сегодня спишь внизу.

Цзян Лэ достал из шкафа одеяло и расстелил на полу. Волчонку не требовалось тепло. Это лишь делало вариант «спать на полу» более приемлемым.

На одеяле не было запаха Цзян Лэ. Был только лёгкий аромат чистящих средств. Волчонок был этим очень недоволен. Но, глядя на спину Цзян Лэ, он всё же не стал силой прыгать на кровать, а спокойно дождался, пока дыхание Цзян Лэ станет длинным и ровным. И только после этого сменил форму, толстеньким щенком забрался на кровать.

Волчонок обошёл подушку, привычно нашёл место у груди Цзян Лэ, подвигал задом и снова прижался головой к его шее.

Цзян Лэ не то чтобы ничего не чувствовал. Просто в полусне он не испытывал никакого сопротивления к приближению волчонка и даже сонно поднял руки, обнимая пушистый комочек у себя на груди.

Когда он проснулся, опустил взгляд и увидел щенка в своих объятиях, первой его реакцией было тоже приблизить голову и потереться. Потом заодно пощупать щенячьи лапы. Только после всего этого сонливость наконец начала уходить. И только тогда он вспомнил вчерашнее и понял, что щенок в его руках нарушил приказ, тайком забрался на кровать и ещё хитро превратился в щенка, прежде чем приблизиться.

Но надо признать, это было очень эффективно.

Цзян Лэ машинально провёл рукой по шерсти щенка и уже выбросил вчерашнее из головы.

Волчонок стоял на кровати и смотрел, как Цзян Лэ, будто ничего не случилось, заходит в ванную. Ощущение ласки на спине ещё оставалось, и в холодных волчьих глазах прибавилась ещё одна крупица накопленного опыта.

* * *

После ещё одного утра ожидания Цзян Лэ достал из синтезатора новый костяной клинок. Теперь лезвие состояло уже не только из черепашьей кости: впитав больше энергии, клинок успешно поднялся с 6-го уровня до 7-го.

Описание системы гласило: «Один клинок, два применения. Помимо прочности, он способен защищать владельца от части внешних ментальных атак».

Это свойство пришло от медвежьей кости.

Цзян Лэ взвесил клинок в руке. Он стал тяжелее. Вероятно, при рубящем ударе теперь будет легче пробивать защиту противника.

Убедившись, что все питомцы, включая его самого, восстановились до лучшего состояния, Цзян Лэ снова надел посадочный сосуд. Следом за волчонком он вместе с ним покинул пространство.

По времени сейчас был полдень. Только в этой высокоуровневой зоне мутаций, где они находились, почти не было разницы между днём и ночью. Лес закрывал небо, полностью перекрывая естественный свет. В жёлто-сумрачной среде воздух был полон гнетущей духоты.

В высокоуровневой зоне мутаций оставался только один источник странных энергетических колебаний. Цзян Лэ пошёл к нему, одновременно ощущая изменения окружающей среды.

Чем ближе он подходил, тем заметнее редели деревья. Под ногами лежал толстый слой давным-давно накопившихся прелых листьев. Когда человек наступал на него, почти ощущалась лёгкая упругость, словно под ногами был батут.

Однако очень скоро Цзян Лэ почувствовал, что что-то не так. Он остановился и оглянулся. От точки, где они начали путь, их уже отделяли три-четыре километра, и за это время Цзян Лэ сам не заметил, как вышел на всё более высокое место. Оно было настолько выше прочих участков леса, что разница стала очевидной.

Просто этот подъём был слишком незаметным, и Цзян Лэ не сразу обратил на него внимание.

Теперь же он немедленно подпрыгнул, опёрся на ближайшее дерево и несколькими рывками поднялся на место, удалённое от земли. С высоты он посмотрел вниз и только тогда увидел: между гнилыми листьями, по которым он только что шёл, были щели, почти неразличимые невооружённым глазом. Под этими щелями царила сплошная тьма, но зрение Цзян Лэ позволяло мгновенно определить: эти тёмные участки были огромными пустотами.

Когда Цзян Лэ прыгнул вверх, волчонок тоже одновременно вскочил и теперь стоял у него на плече в уменьшенном облике, вместе с ним глядя вниз.

Похоже, обнаружив, что добыча оторвалась от ловушки, прежде спокойный лес вдруг зашевелился. Вибрация от земли дошла до дерева, на котором стоял Цзян Лэ. Под воздействием этой дрожи мутировавшие деревья высотой в сотню метров начали крениться и раскачиваться. Человеку на ветвях стало трудно сохранять равновесие. В любой момент его могло стряхнуть вниз.

Цзян Лэ ступал по ветвям и очень быстро нашёл закономерность их качания. Пользуясь каждым промежутком между движениями, он перемещался между деревьями. В это же время из посадочного сосуда на его запястье непрерывно стекали наружу водянистые зелёные лозы. Стоило им коснуться земли, как они тут же просачивались в щели между гнилыми листьями.

Судя по амплитуде дрожи деревьев, она явно ослабевала от центра к краям. Цзян Лэ уходил всё дальше от центра вибрации. И когда он почти выскочил за её пределы, сверху к нему полетела огромная сеть из белых нитей, закрывшая небо. Она плотно перегородила направление, куда он собирался уйти, и в тот миг, когда должна была коснуться Цзян Лэ, начала стягиваться, словно хотела завернуть его целиком.

Мутировавший волк на плече Цзян Лэ выплюнул пламя высокой температуры. Соприкоснувшись с белой сетью, оно быстро подожгло её и прожгло большую дыру, через которую Цзян Лэ и прошёл.

Белая сеть тут же обхватила ствол дерева за спиной Цзян Лэ и резко сжалась. Эти белые нити словно врезались в древесину и мгновенно измельчили грубый твёрдый ствол до размера ячеек. Из мест разреза поднимался чёрный дым после обугливания.

Паутина.

Цзян Лэ быстро определил, чем была эта белая сеть. По направлению, откуда она прилетела, его взгляд стремительно нашёл за низкими кустами в нескольких десятках метров паука диаметром больше метра.

Над головой паука отображался его уровень: мутировавший паук 7-го уровня.

Он явно не хотел выпускать Цзян Лэ из этого леса и непрерывно выпускал из пасти паутину. Цзян Лэ уклонялся вправо и влево, а волчонок на его плече тоже беспрерывно прожигал в паутине бреши. Деревья вокруг очень быстро пострадали: одни переломились, другие оказались искалечены.

Уклонения Цзян Лэ не были бессистемными. При каждом прыжке его мозг молниеносно рассчитывал расстояние до мутировавшего паука и лучшую позицию для атаки. Найдя в атаках паука промежутки, он стремительно двинулся. Оттолкнувшись от ветки под ногами, тело полетело вперед. В руке из ниоткуда появился костяной клинок, горизонтальным ударом рассёк очередную летящую паутину. Фигура Цзян Лэ мелькнула и уже оказалась над головой паука. Направление клинка сменилось. Мутировавший паук среагировал тоже быстро, но клинок всё равно срезал ему половину головы.

Мутировавший паук не умер. Он издал пронзительный вой, и все волоски на его теле встали дыбом, не давая Цзян Лэ удержаться сверху.

Цзян Лэ не дал ему слишком много времени на сопротивление. Он поднял клинок и ударил вниз, разрубив голову паука надвое. Вой прекратился. Но вокруг тут же зазвучало ещё более плотное шуршание трущихся членистых конечностей.

В поле зрения Цзян Лэ из-под земли вылезло бесчисленное множество мутировавших видов: таких же, как этот паук, того же уровня, с тем же внешним видом и размером. Они встали под разными углами и начали выпускать в сторону Цзян Лэ паутину. Сотни сетей летели одновременно. У Цзян Лэ почти не оставалось места для уклонения. Он мог только менять позицию прыжками вверх и вниз, не позволяя загнать себя на землю.

Паучья стая тоже больше не задерживалась на земле. Они поднимались на деревья на разной высоте и атаковали со всех сторон.

Эти мутировавшие пауки выпускали паутину не бесцельно. Они пытались загнать Цзян Лэ внутрь леса. Цзян Лэ понимал их намерение, поэтому ещё меньше хотел дать им добиться своего.

Раз нельзя падать на землю, оставалось только попытаться сражаться.

Волчонок вернулся к размеру обычного волка и вместе с Цзян Лэ прыгнул в другом направлении, разделяя число летящих сетей.

Человек и волк подняли свою скорость до максимума. Они не спешили атаковать. Очень быстро они обошли паучью стаю, то появлялись за спинами пауков, то перед ними, мелькали и снова исчезали. Вскоре это сбилось ритм атак мутировавших пауков. Паутина то и дело попадала в своих же. Хотя сами мутировавшие пауки были невосприимчивы к собственной паутине, пути от выстреленной сети никуда не исчезали. И даже если паук хотел вырваться из этого ограничения, на это требовались время и силы.

Почти половина мутировавших пауков в той или иной мере попала под паутину товарищей. Их угроза для Цзян Лэ и волчонка заметно снизилась.

Только теперь Цзян Лэ выбрал нападение.

Кровавая лоза, уже проникшая под землю, сплела там лозовую сеть. Теперь она снова

расползлась на поверхность, потекла, словно вода, и проникла в тела части пауков, стоящих на земле.

Мутировавший волк не дал тем паукам, которых спутала паутина, легко выбраться. Он воспользовался этим ограничением и пламенем напрямую прожёл их тела.

Даже мутировавший женьшень, который редко действовал, проявил к этим паукам отвращение. Его ментальный показатель резко подскочил. При равной безопасности среди мутировавших существ одного уровня сильнее атаковал тот, у кого был выше ментальный показатель.

У многих пауков тут же возникла аномалия, похожая на помутнение сознания.

Цзян Лэ тоже не останавливался. Клинком в руке он срубил головы десятку с лишним мутировавших пауков, и чем больше убивал, тем горячее и увереннее становилось ощущение в руках. Но вдруг из ниоткуда возникло мощное давление. Эта подавляющая сила заставила прерваться даже ментальную атаку мутировавшего женьшеня. В мозгу Цзян Лэ вспыхнула сплошная мутная боль.

Волчонок и кровавая лоза тоже испытали то же самое. Их прежде ловкие атаки замедлились, они даже не могли правильно определить направление.

Цзян Лэ почувствовал, как всё вокруг закружилось. Клинок в руке едва не выскользнул. Он попытался опереться на дерево рядом, чтобы восстановить равновесие, но это не помогло. Он сорвался с высоты. Краем глаза, кроме бегущего к нему волчонка, он увидел огромного мутировавшего паука, похожего на небольшую гору, а также уровень 8, высвеченный над его головой.

Бесчисленные дочерние лозы, проникшие в тела мелких мутировавших пауков, были вытолкнуты наружу и вместе с падением Цзян Лэ хлынули обратно в посадочный сосуд у него на запястье.

К счастью, боль, почти распиравшая мозг, на миг отступила, но остановить падение Цзян Лэ уже не мог.

— Это ментальная атака! Не смотри на него! — громко крикнул мутировавший женьшень и изо всех сил постарался заслонить Цзян Лэ от этой атакующей силы.

Сознание Цзян Лэ постепенно снова собиралось воедино, а спиной он уже коснулся мягкой поверхности под собой.

Почему земля была упругой? Потому что это вообще была не земля, а огромная ловушка, сотканная из паутины. В тот миг, когда она почувствовала прикосновение добычи, ловушка сомкнулась. Цзян Лэ туго завернуло в эту сеть, и он провалился в глубину под землю.

Вокруг была сплошная паутина. У Цзян Лэ не было ни одной точки опоры, где можно было бы приложить силу. Паутина, похоже, давала мутировавшему пауку 8-го уровня больше связей и чувствительности. Хотя Цзян Лэ уже довёл собственную защиту до максимума и не смотрел на паука, ощущение ментального подавления снова обрушилось на него. В мутном сознании он даже не мог поддерживать тело, чтобы снова встать, не говоря уже о том, чтобы организовать эффективную атаку.

Его питомцам было ничуть не лучше. Волчонок, неизвестно потому ли, что уже не мог

контролировать смену формы, в этот момент вдруг вернулся к человеческому облику и крепко обнял Цзян Лэ. Кровавая лоза кое-как управляла дочерними лозами и вернула их все в посадочный сосуд, но едкая жидкость текла без остановки, контроль оказался потерян. Мутировавший женьшень после того предупреждения больше не подавал голоса. Вполне возможно, защищая Цзян Лэ от атаки, он тоже получил тяжёлую травму.

Цзян Лэ почти полностью потерял сознание. Он плыл по паутине, постепенно управляемый ею, и его доставляли к пасти мутировавшего паука 8-го уровня.

Ротовые органы мутировавшего паука раскрылись. Он без колебаний собирался проглотить этих мутировавших видов, вторгшихся на его территорию, вместе с обычным человеком.

Но в этот момент, там, где Цзян Лэ уже не мог видеть, в воздухе возникло лёгкое колебание. Кто-то будто вынырнул из пустого воздуха.

Мутировавший паук словно в одно мгновение превратился из хищника в добычу. Его напор исчез без следа, и он, не колеблясь, развернулся и ушёл. Даже только что пойманную добычу он оставил на месте, а паутину, обвившую их, втянул обратно.

Тот, кто появился здесь, был невысоким, лицо у него было ещё детским. Перед ними явно стоял ребёнок.

<http://bllate.org/book/17649/1691108>